

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КУЙКИНА

преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
egene@list.ru**АНТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ ИЗ «МИФОЛОГИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ»
АПОЛЛОДОРА В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ В. А. ЖУКОВСКОГО**

«Мифологическая библиотека» Аполлодора во французском переводе Клавье знакомила В. А. Жуковского с античной мифологией в 1805–1811 годах. При чтении этого произведения Жуковский оставил в книге ряд помет и комментариев к интересующим его сюжетам, в числе которых мифы об Эдипе, Крете и Тиро, Амитаоне и Идомене, Бианте и Перо, Талае и Лисимахе. Статья посвящена описанию этих мифологических сюжетов, неожиданных по своему содержанию и близких к биографии Жуковского. Показательно, что чтение «Мифологической библиотеки» Аполлодора хронологически соотносится со становлением и утверждением в творчестве Жуковского балладного жанра. Высказывается предположение, что эти сюжеты, открывающие многослойную и противоречивую картину мира, были близки балладному жанру и рассматривались Жуковским в этой перспективе.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, баллада, рецепция, Аполлодор, пометы, записи на полях, античные мифологические сюжеты

«Мифологическая библиотека» Аполлодора во французском переводе Клавье была пособием и руководством по античной мифологии для В. А. Жуковского. Ученые определяют временные рамки чтения Жуковским «Мифологической библиотеки» – 1805–1811 годы [8: 464–469]. Это было время самообразования молодого поэта, когда он систематически знакомился с античной мифологией, античной литературой и ее критическим осмыслением.

Издание «Мифологической библиотеки» 1805 года сохранилось в библиотеке Жуковского (Apollodor. Bibliothèque d'Apollodore l'Athénien. Traduction nouvelle, avec le texte grec revu et corrigé, des notes et une table analytique, par E. Clavier. T. 1–2, Paris, chez Delance, an. XIII (1805)) [2: 88]. Ряд помет, оставленных поэтом в этой книге, свидетельствует об углубленном и вдумчивом изучении античной мифологии читателем.

Аполлодор – древнегреческий мифограф, афинский грамматик, живший во II веке до н. э. Исследователь античной литературы В. Г. Борухович в статье «Античная мифография и “Библиотека” Аполлодора» определяет место «Библиотеки» в кругу античных мифографических сочинений: «“Библиотека” представляет собой единственное из всех дошедших до нас античных сочинений по мифологии, где мифы Древней Греции излагаются в наиболее полном и систематизированном виде» [3: 106]. В. Г. Борухович относит «Библиотеку» Аполлодора к «числу мифографических сочинений, излагавших в прозаическом пересказе основные сюжеты “эпического цикла”» [3: 105].

Термин «эпический кикл» возник уже в классическую эпоху (5 век до н. э.) и встречается у

Аристотеля («Аналитики»). Слово «кикл» происходит от древнегреческого κύκλος «круг». Таким образом, эпический кикл – это круг сказаний. Сохранилось замечание древнего схолиаста Клемента Александрийского об этом термине: «Киклическими поэтами называют тех, которые описали все, что вокруг (κύκλω) “Илиады”, все, что происходило до или после описанных ею событий» (Schol. Clem. Alex. Protr. II, 30)¹.

Автор «Библиотеки» излагает мифы кратко, без подробностей, без философского и художественного их осмысления. «Очень просто, сжато, иногда скороговоркой (в ущерб содержанию)»: так В. Г. Борухович комментирует эту особенность воспроизведения мифов у греческого мифографа [3: 106]. Миф в рассказе Аполлодора «выступает в качестве сюжетной схемы» [3: 108]. Аполлодор концентрирует внимание читателя на генеалогии мифологических героев. В основу повествования положен «генеалогический принцип» [3: 106]. При чтении «Мифологической библиотеки» Жуковский делает три генеалогические схемы интересующих его мифологических циклов на страницах 71, 73 первого тома и 385 второго тома, соответствующих § 11, § 13 девятой главы первой книги и § 8, § 9 третьей главы третьей книги.

Жуковского интересуют родственные связи героев следующих мифологических циклов: Иолкский, Аргосский и Фиванский циклы. Генеалогическая таблица Иолкского цикла воспроизводит родословие Ясона, предводителя похода аргонавтов за золотым руном. Вторая генеалогическая таблица воспроизводит род Амифаонидов, участников похода Семерых против Фив и похода Эпигонов. Третья генеалогическая таблица посвящена родословию царя Эдипа.

Исследовательница библиотеки Жуковского в Томске О. Б. Лебедева размышляет о причинах внимания Жуковского к генеалогии героев названных мифологических циклов: «Представляется, что целью генеалогических изысканий Жуковского в процессе чтения Аполлодора было именно это выявление генетических связей между отдельными мифологическими циклами через участников их событий» [8: 468]. О. Б. Лебедева, обращая внимание на вдумчивое изучение текста «Библиотеки» русским поэтом, говорит о том, что активный «читательский интерес» «очень часто переходил у Жуковского в творческий эксперимент» [8: 465]. Таким образом, чтение «Мифологической библиотеки» Аполлодора можно рассматривать как приготовление Жуковского к реализации творческого потенциала.

При составлении родословий героев мифологических циклов Жуковский оставляет комментарии к ним на страницах указанного издания. На записи Жуковского на страницах 71, 73 и 77 указывает О. Б. Лебедева: «Так, на с. 71 первого тома рассказ о браках Кретея и Тиро, Амитаона и Идомены он сопровождает двукратной записью: «племянница»» [8: 469]. Названные герои – Кретея и Тиро, Амитаон и Идомена – участники Иолкского цикла мифов, их имена входят в родословное древо Ясона. Рассказ о браке Кретея и Тиро у Аполлодора звучит так: «Тиро, дочь Салмонея и Алкидики, воспитывалась у Кретея, который приходился Салмонею родным братом. Она влюбилась в речного бога Энипея и в сокрушении постоянно ходила на реку. Посейдон, приняв образ Энипея, сошелся с ней, и она, родив тайно двух близнецов, подкинула их. Вблизи подкинутых близнецов проходили пастухи, гнавшие табун лошадей, и кобылица задела копытом лицо одного из близнецов, на котором от этого осталось темное пятно. Пастух поднял и вырастил обоих мальчиков и того, который был с пятном, назвал Пелием, другого же Нелеем. Когда близнецы выросли и узнали, кто их родная мать, они убили свою мачеху, которую звали Сидеро. Они напали на нее после того, как узнали, что та оскорбила их мать. Мачеха пыталась найти убежище в храме Геры, но Пелий заколол ее у самых алтарей. И вообще он всячески оскорблял Геру. <...> Кретея же, основав город Иолк, женился на Тиро, дочери Салмонея, от которой у него родились сыновья Эсон, Амитаон и Ферет» (§ 8, § 11, 9-я глава, 1-я книга)².

Рассказ о втором привлечшем внимание Жуковского близкородственном браке Амитаона и Идомены тесно связан с предыдущей историей, так как в нем принимают участие сыновья Кретея и Тиро – Амитаон и Ферет. У Аполлодора эти события передаются очень кратко: «Амитаон, живший в Пилосе, женился на Идомене, дочери Ферета, и у него родились сыновья Биант и Мелампод» (§ 11, 9-я глава, 1-я книга)³.

О. Б. Лебедева обращает также внимание на запись Жуковского, сделанную на странице 73 «Мифологической библиотеки» Аполлодора относительно брака Бианта и Перо: «Почти родная сестра» [8: 469]. История этого брака относится уже ко второй родословной таблице Жуковского, где показано родословие Амифаонидов (Аргосский цикл), но герои его генетически связаны с предыдущим, Иолкским, циклом. Согласно генеалогическим описаниям Аполлодора, Биант – внук Тиро от брака с Кретеем, Перо – внучка Тиро от брака с Посейдоном. В «Мифологической библиотеке» рассказывается романтическая история сватовства Бианта: «Биант же, сын Амитаона, посватался к Перо, дочери Нелея. Так как многие добивались ее руки, Нелей обещал отдать свою дочь за того, кто пригонит ему принадлежащее Филаку стадо коров. Стадо это находилось в области Филаке, и его охраняла собака, к которой ни человек, ни зверь не смел близко подойти. Биант не смел украсть этих коров и попросил брата помочь. Мелампод пообещал, но предсказал, что он будет пойман при совершении кражи и после того, как пробудет в заключении целый год, получит стадо»⁴. Через год Мелампод, обладающий даром прорицания, вышел из заключения и получил заветное стадо коров Филака. «Коров же Мелампод пригнал в Пилос, и, взяв дочь Нелея, отдал ее брату» (§ 12, 9-я глава, 1-я книга)⁵.

Четвертый сюжет, отмеченный записью Жуковского на странице 77 – «племянница» [8: 469], описывает брак Талая и Лисимахи. У Аполлодора в § 13 читаем: «Сыном Бианта и Перо был Талай, женившийся на Лисимахе, дочери Абанта, сына Мелампода. От этого брака родились Адраст, Партенопей, Пронакс, Мекистей, Аристомех и Эрифил, на которой женился Амфиарай»⁶.

Скупое, без подробностей передает афинский грамматик интересующие Жуковского мифологические сюжеты. Повествование Аполлодора наполнено именами мифологических героев, словно он боится кого-то пропустить, оставить незамеченным, вне истории.

Родословия, привлечшие внимание Жуковского в «Библиотеке» Аполлодора, согласно античным мифам о происхождении мира, принадлежат к четвертому поколению, населявшему землю, поколению полубогов и героев (Гесиод. Работы и дни. 157–173).

Профессор А. Ф. Лосев, отмечая достоинство «Библиотеки» в подробности изложения мифических родословных, говорит о преемственности труда афинского мифографа: «Аполлодор излагает мифы по Гомеру и Гесиоду и особенно трагикам» [9: 10].

Так, первый миф о браке Кретея и Тиро восходит к «Одиссее» Гомера, XI песнь, строки 235–259. В XI песне Одиссей призывает тени умерших, они подходят по очереди:

Прежде других подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная в мире супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себе мне она рассказала... (XI, 235–237)⁷.

Также этот миф излагает Гесиод в «Каталоге женщин» (фрагменты 30, 31).

Миф о браке Кретея и Тиро, а также о браке Амитаона и Идомены (или Аглаи) встречается в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (IV, 68, 3): «С Тиро, которая в то время была еще девой, сочетался Посейдон, и она родила сыновей – Пелия и Нелея. Выйдя замуж за Крефея, Тиро родила Амифаона, Ферета и Эсона. После смерти Крефея Пелий и Нелей подняли бунт, желая получить царскую власть, и Пелий стал царем Иолка и прилегающих земель, а Нелей, взяв с собой Мелампода и Бианта, сыновей Амифаона и Аглаи, во главе ахейцев, фтиян и эолийцев, отправился в поход на Пелопоннес»⁸.

Миф о браке Бианта и Перо восходит к «Одиссее» Гомера (XV, 225–240) и «Каталогу женщин» Гесиода (фрагмент 37):

На оное только провидец дерзнул безупречный.
Труд таковой он свершил, хоть год оставалось
в неволе

Узы позора влачить, Нелеевой дщери взыскаю:
Брак он готовил Бианту-воителю, брату родному.
Свадьбы желанной добился, сумев привести
круторогих

Телок, наградой приняв за труд безупречную
деву.

Был могучий Талай пышнокудрой Перо во
чертогах

Сыном Бианту рожден, покоренной объятьем
супружьем⁹.

Брак Талая и Лисимахи в «Мифологической библиотеке» Аполлодора является версией мифа, есть другая версия, которая встречается в «Описании Эллады» Павсания, согласно которой женой Талая была Лисианасса, дочь Полиба, царя Сикиона (II, 6, 6): «Полиб выдал свою дочь Лисианассу за Талая, сына Бианта, царствовавшего над агривянами»¹⁰.

Третья генеалогическая таблица Жуковского, воспроизводящая родословие Эдипа, восходит в первую очередь к трагедиям Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне». Также об участии Эдипа рассказывается в «Одиссее» Гомера (XI, 271–280). Тени умерших предстают перед Одиссеем:

Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать
Эпикаста;

Страшно-преступное дело в незнание она
совершила,

С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшись
браком.

Скоро союз святотатный открыли бессмертные
людям.

Гибельно царствовать в Кадмовом доме,
в возлюбленных Фивах

Был осужден от Зевса Эдип, безотрадный
страдалец,

Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:

Петлю она роковую к бревну потолка
прикрепивши,

Ею плачевную жизнь прервала; одинок он остался
Жертвой терзаний от скликанных матерью
страшных Эриний¹¹.

Мифы из «Библиотеки» Аполлодора, восходящие к «Одиссее» Гомера и трагедиям Софокла, найдут воплощение в творчестве Жуковского при создании оригинального плана трагедии «Царь Эдип» в 1811 году, при переводе фрагмента трагедии Софокла «Царь Эдип» в 1842 году и в 1842–1849 годы при переводе «Одиссеи».

О. Б. Лебедева интерпретирует интерес Жуковского к проблематике этих мифологических сюжетов биографическими данными, что позволяет датировать чтение Аполлодора и особенно комментарии поэта на страницах 71, 73 и 77 1810 и 1811 годами: «Если предположить связь этих записей с биографией Жуковского, его намерением жениться на М. А. Протасовой, которая приходилась ему именно племянницей по отцовской линии, чтение Аполлодора можно датировать несколько более поздним периодом: 1810–1811 годом, когда впервые возникли мысли о браке» [8: 469]. Таким образом, Жуковский осмысливал собственную жизнь через приобщение к античности. Возможно, поэт обратил внимание на то, что браки внутри одного рода считались допустимыми в древности. Браки между дядей и племянницей, между двоюродными братом и сестрой были естественным и частым явлением жизни. Среди мифов, исследуемых Жуковским, только история Эдипа считалась страшным преступлением. Причем Эдип был неволен в своем грехе. К гибели Эдипа, его родителей и его детей привело родовое проклятие, Рок. Согласно мифу, «Фиванский царь Лай украл ребенка и был проклят отцом этого ребенка. Проклятие лежало на всем роде Лая: сам он погиб от руки собственного сына Эдипа. Покончила с собой Иокаста – жена сначала Лая, а потом Эдипа, узнав, что Эдип – ее сын. Вступив в единоборство, погибли оба сына Эдипа – Этеокл и Полиник, потом погибли и их сыновья» [9: 27–28].

Возможно, что интерес к темам кровосмешения, преступления, гибельного Рока и наказания был обусловлен у Жуковского появлением в русской и европейской литературе в конце XVIII – начале XIX века произведений, которые «отличает особая атмосфера загадочности, таинственности» [7: 46], в которых присутствует мотив инцеста, «для русской литературы не вполне обычный» [4: 204] (например, «Мипамонд» Ф. Эмина, «Замок Отранто», «Таинственная мать» Уолпола, «Монах» Льюиса, «Дикарь» Мерсье, «Манфред» Байрона и др.). Среди произведений, поднимающих проблему кровосме-

шения, в русской литературе выделяется повесть Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм» (1793).

По мнению Л. В. Крестовой, «впервые в русской художественной литературе Карамзин ставит в повести “Остров Борнгольм” сложную философскую проблему о противоречии между законами природы и законами общественной жизни» [6: 211]. Современная исследовательница А. Н. Кудреватых говорит о новаторстве Карамзина в «Острове Борнгольм», которое заключается в присутствии в повести элементов балладной поэтики: «Яркий и потрясающий образ замка, открывающийся в минуту высшего душевного напряжения внутреннему взору путешественника, вывел нас на уровень оппозиции “Человек и Рок”, трагедийной по своей сущности. Жизнь несчастных героев, в том числе и хозяина замка, трагически разрушается в результате вторжения в нее непостижимых и неуправляемых стихийных сил, и путешественник потрясен не столько перипетиями конкретной житейской истории, сколько той картиной мира, которая открылась ему во время пребывания в таинственном замке. Вот почему не важными оказываются детали истории. Важен сам образ мира, многослойный, мятежный, поражающий воображение и вызывающий в душе путешественника, по его собственному признанию, не только ужас, но и наслаждение, своеобразное очищение, которое в чем-то сродни трагедийному катарсису» [7: 51]. А. Н. Кудреватых приходит к выводу, что поэтика повести Карамзина близка к поэтике балладного жанра. Ведь не случайно Карамзин – «автор одной из первых русских литературных баллад: его “Раиса” стоит у самых истоков балладной традиции в отечественной поэзии» [7: 51].

Можно также предположить, что внимание Жуковского к мифологическим родословиям из «Библиотеки» Аполлодора и комментарии к ним были обусловлены интересом русского поэта к жанру баллады. Заметим также, что чтение «Библиотеки» Аполлодора (1805–1811 годы) хронологически соответствует появлению и утверждению в творчестве Жуковского балладного жанра. В 1808–1814 годах он пишет следующие баллады: «Людмила», «Кассандра», «Пустынный», «Адельстан», «Светлана», «Ивиковы журавли», «Варвик», «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди», «Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», «Ахилл», «Эолова арфа», «Двенадцать спящих дев».

В балладах Жуковского показаны предопределенность человеческой судьбы, психологический конфликт, стойкость и свобода личности перед лицом испытаний. Согласно исследованиям Н. Ж. Ветшевой и Э. М. Жиликовой, «баллада родилась у Жуковского как жанр, позволивший ему выразить свое философское понимание нравственной природы человека и его судьбы в контексте бытия и мирового развития человечества» [5: 230].

С точки зрения истории жанр баллады предполагал драматические сюжеты. Как «сюжетная песня драматического содержания» [10: 422], баллада бытовала в эпоху Средневековья. Древний мотив кровосмешения, связанный с мифологическим сознанием, находил отражение в балладе, которая на примере индивидуальных судеб освещала «события общенародного значения, этические, социальные и философские проблемы» [1: 10]. Так, мотив кровосмешения встречается в старинной русской балладе, соответствующей балладам Англии и Шотландии, возникшим в XIII–XIV веках. Д. М. Балашов указывает на эти баллады и говорит о христианском осмыслении в них вышеуказанного мотива: «“Братья-разбойники и сестра”, сюжет отразивший развитые социальные контрасты и бытовые отношения средневековья; “Царь Давыд и Олена”, сюжет, созданный целиком на христианско-религиозной основе; “Охотник и сестра” – редкая баллада позднего сочинения; “Брат женился на сестре”, также поздняя средневековая баллада по характеру сюжета и бытовым реалиям. Анализ этих сюжетов, а также ряда европейских баллад на ту же тему показывает, что все подобные конфликты, имеющие обычно трагический конец (неизбежные позор и смерть согрешивших), подаются в очень ясном средневековом оформлении» [1: 17].

Таким образом, античные мифы о Крете и Тиро, Амитаоне и Идомене, Бианте и Перо, Талае и Лисимахе, близкие к проблематике средневековых баллад и повести Карамзина «Остров Борнгольм», могли стать таинственными и драматичными сюжетами баллад Жуковского, но не стали, возможно, потому что мотив кровосмешения, центральный в этих мифах, показался русскому поэту рискованным. Также история царя Эдипа, переданная Аполлодором, не стала у Жуковского сюжетом баллады, но изучение мифического родословия Фиванского цикла было подготовлением поэта к работе с греческой драматургией [8: 469].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Борухович В. Г. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека / Издание подготовил В. Г. Борухович. Репринтное воспроизведение текста издания 1959 г. М.: Ладомир: Наука, 1993. С. 104.

² Аполлодор. Мифологическая библиотека... С. 16.

³ Аполлодор. Мифологическая библиотека... С. 16.

⁴ Аполлодор. Мифологическая библиотека... С. 16–17.

⁵ Аполлодор. Мифологическая библиотека... С. 17.

⁶ Аполлодор. Мифологическая библиотека... С. 17.

- ⁷ Гомер. Одиссея / Пер. В. Жуковского. М.: Худож. лит., 1986. С. 113.
⁸ Диодор Сицилийский. Греческая мифология: Историческая библиотека / Пер. с древнегреч. О. П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. С. 68.
⁹ Гесиод. Каталог женщин, или Эои / Пер. О. Цыбенко // Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. М.: Ладомир, 1999. С. 87–88.
¹⁰ Павсаний. Описание Эллады: В 2 т. / Пер. и вступит. статья С. П. Кондратьева. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. С. 141.
¹¹ Гомер. Одиссея... С. 114.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов Д. М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1966. 72 с.
2. Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 414, [2] с.
3. Борухович В. Г. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека / Издание подготовил В. Г. Борухович. Репринтное воспроизведение текста издания 1959 г. М.: Ладомир: Наука, 1993. С. 99–120.
4. Вацуро В. Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век / Под ред. П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана. Л.: Наука, 1969. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. С. 190–210.
5. Ветшева Н. Ж., Жиликова Э. М. Баллады Жуковского // Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 3. Баллады. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 229–240.
6. Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: АН СССР, 1961. С. 193–226.
7. Кудреватых А. Н. Новаторство Н. М. Карамзина-психолога в повести «Остров Борнгольм» // Филологический класс. 2013. № 4 (34). С. 46–52.
8. Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. III. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. С. 466–499.
9. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Боги и герои Древней Греции. М.: Слово, 2002. 278, [1] с.
10. Никонов В. А. Баллада // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1962. С. 422–423.

Kuykina E. S., Petrosavodsk State University (Petrosavodsk, Russian Federation)

ANCIENT PLOTS FROM APOLLODORUS'S WORK "MYTHOLOGICAL LIBRARY" IN V. A. ZHUKOVSKY'S CREATIVE PERCEPTION

The work "Mythological library", written by Apollodorus and later translated from French by Clavier, acquainted V. A. Zhukovsky with ancient mythology in 1805–1811. While reading the book, V. A. Zhukovsky made a series of notes and wrote a few comments to the plots he found interesting. There were the myths about Oedipus, Kretheus and Tyro, Amythaon and Idomena, Bias and Pero, Talaos and Lisimache. These mythological plots, unconventional by nature and similar to Zhukovsky's biography, are described in the article. V. A. Zhukovsky's emersion into the texts of "Mythological library" chronologically corresponds with the development of the ballad genre in his works. It is considered that by genre the written plots of that period were close to ballads. This approach was also shared by V. A. Zhukovsky. The myths introduced both diverse and contradictory understanding of the world.

Key words: V. A. Zhukovsky, ballad, reception, Apollodorus, notes on the margins, ancient mythological plots

REFERENCES

1. Balashov D. M. *Istoriya razvitiya zhanra russkoy ballady* [The history of the Russian ballad genre]. Petrozavodsk, Karel'skoe knizhnoe izd-vo Publ., 1966. 72 p.
2. *Biblioteka V. A. Zhukovskogo v Tomske: Opisanie* [Library of V. A. Zhukovsky in Tomsk: Description]. Compiler V. V. Lobanov. Tomsk, Tomsk University Publ., 1981. 414, [2] p.
3. Borukhovich V. G. The ancient mythography and "The library" of Apollodorus [Antichnaya mifografiya i "Biblioteka" Apollodora]. *Apollodor. Mifologicheskaya biblioteka* [Apollodorus. The Mythological library]. V. G. Borukhovich prepared the edition. Moscow, Ladomir, Nauka Publ., 1993. P. 99–120.
4. Vatsuro V. E. Literary and philosophical issues of Karamzin's short novel "The Bornholm Island" [Literaturno-filosofskaya problematika povesti Karamzina "Ostrov Borngol'm"]. *XVIII vek* [The XVIIIth century]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Collection 8: Derzhavin and Karamzin in literary movement of the XVIIIth – early XIXth century. P. 190–210.
5. Vetsheva N. Zh., Zhilyakova E. M. Zhukovsky's ballads [Ballady Zhukovskogo]. *Zhukovskiy V. A. Poln. sobr. soch.: V 20 t.* [Omnibus edition. 20 v.]. Vol. 3. Ballads. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. P. 229–240.
6. Krestova L. V. An old Russian novel as a source of Karamzin's short novels "The Bird of Paradise", "The Bornholm Island", "The Martha Posadnitsa" [Drevnerusskaya povest' kak odin iz istochnikov povestey N. M. Karamzina "Rayskaya ptichka", "Ostrov Borngol'm", "Marfa Posadnitsa"]. *Issledovaniya i materialy po drevnerusskoy literature* [Research and materials on old Russian literature]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961. P. 193–226.
7. Kudrevatykh A. N. Innovation of Karamzin-psychologist in the short novel "The Bornholm Island" [Novatorstvo N. M. Karamzina-psikhologa v povesti "Ostrov Borngol'm"]. *Filologicheskii klass* [Philology class]. 2013. № 4 (34). P. 46–52.
8. Lebedeva O. B. German and French traditions in aesthetic studies of V. A. Zhukovsky [Nemetskaya i frantsuzskaya traditsii vospriyatiya antichnosti v esteticheskikh shtudiyakh V. A. Zhukovskogo]. *Biblioteka V. A. Zhukovskogo v Tomske* [Library of V. A. Zhukovsky in Tomsk]. Part III. Tomsk, Tomsk University Publ., 1988. P. 466–499.
9. Losev A. F., Takho-Godi A. A. *Bogi i geroi Drevney Gretsii* [Gods and heroes of Ancient Greece]. Moscow, Slovo Publ., 2002. 278, [1] p.
10. Nikonov V. A. Ballad [Ballada]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Short literary encyclopedia]. Vol. 1. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1962. P. 422–423.

Поступила в редакцию 28.12.2015